

Динамика развития ипохондрического расстройства в картине патологического нарциссизма у главного героя повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»

О.В. Цанова

Цанова Оксана Владимировна – психолог (НОЧУ ВПО «ИППиП»), психоаналитический психотерапевт, кандидат Общества психоаналитической психотерапии. Преподаватель АНО ДПО «Высшая школа психологии».

В статье описаны особенности характера, проявляющиеся при патологическом нарциссизме у главного героя повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», динамика развития у него ипохондрического расстройства, приведшего к болезни и смерти.

Ключевые слова: ипохондрия, нарциссизм, повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», ложное Я, теория объектных отношений, психоаналитическая психосоматика.

Повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» является одной из вершин мировой литературы в области малой литературной формы, она описывает особенность личности, жизнь, болезнь и смерть судебного чиновника средней руки (Л.Н. Толстой, 1936). В.В. Набоков писал об этой повести следующее: «Этот рассказ – самое яркое, самое совершенное и самое сложное произведение Толстого» (Набоков, 1998, с. 309). А.Т. Лидский – советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР – писал в 1929 году: «Каждый врач любой специальности должен внимательнейшим образом прочитать этот рассказ, сильнее которого нет в мировой литературе на эту тему, и перед ним раскроются те бездны ужаса и сомнений, которые переживают раковые больные» (Лидский, 1929, с. 6, 8–9). Это произведение имеет неоспоримые литературные достоинства и оказалось очень ценным для врачей начала XX века тем описанием боли

и сомнений, которые переживают больные. Оно уникально еще тем, что Л.Н. Толстой благодаря своей интуиции, наблюдательности и способности к анализу психики людей смог описать нарциссический тип организации характера, а также супружеские отношения главного героя и его жены, которые можно рассматривать через призму теории объектных отношений. Особого внимания заслуживает то, как описана болезнь главного героя, внутренняя картина болезни, которую можно понять, исходя из современных концепций психоаналитического подхода.

Можно сказать, что Толстой описал то, что спустя годы сформулировали Фрейд и ведущие психоаналитики вышеперечисленных теорий. Толстой работал над повестью в период с 1882-го по 1886 год, дата первой публикации повести – 1886 год. В эти годы З. Фрейд еще работал врачом и только в 1885 году приехал в Париж к Ж. Шарко, вместе с которым приступил к изучению истерии, которую в дальнейшем продолжил изучать с Й. Брейером. Результатом этой совместной работы стала публикация книги «Исследования истерии» в 1895 году. Датой создания психоанализа принято считать дату выхода в свет этой книги. Значительно позже, только в 1914 году, Фрейд в работе «Введение в нарциссизм» описал свое понимание нарциссизма как проявления повышенного интереса к своему телу и личности. Фрейд считал, что этот интерес происходит из-за того, что либидо людей, склонных к нарциссизму, отщепляется от объектов внешнего мира и обращается на собственное Я (Фрейд, 1914). Фрейд описывал объекты внешнего мира прежде всего как средство для удовлетворения инстинктов, указывал, что восприятие значимости других людей и неудачи в отношениях с ними определяют природу, характер и функционирование внутриспсихических структур. В 1915 году он писал, что объект «не обязательно является чем-то посторонним для субъекта: он может быть эквивалентным части его тела». Эти и другие мысли Фрейда в дальнейшем развивал К. Абрахам (1924), затем М. Кляйн и ее последователи, которые заложили основу теории объектных отношений. Теория объектных отношений – психодинамическая теория, отталкивающаяся от предположения, что психика состоит из «внутренних объектов», представляющих собой интернализированные внешние объекты: людей и ситуации, связанные с ними («Психоаналитические термины и понятия...», 2000, с. 226). Нарушения в сфере объектных отношений могут приводить к образованию психосоматических симптомов и расстройств.

Повесть Л. Толстого начинается с того, как в большом заседании судебных учреждений во время перерыва заседания коллеги Ивана Ильича Головина – главного героя повести – узнают о его смерти и позже оказываются на его похоронах. Иван Ильич был их товарищем, и казалось, что все любили его. Он долгое время был чем-то болен, за несколько недель до смерти находился в тяжелом состоянии, говорили, что его болезнь была неизлечимой. Вместе с коллегами Ивана Ильича читатель оказывается в его доме на поминках, знакомится с его семьей и все больше и больше узнает о его жизни и о нем. Его смерть стала не только печальным событием для его близких и друзей, но и проявила их мысли о выгодах от нее:

коллеги думали о повышении по службе и освободившемся месте, жена – о том, как по случаю смерти мужа достать денег из казны (Толстой, 1936).

Во второй главе повести мы узнаем, что Иван Ильич умер сорока пяти лет от роду, к этому возрасту он числился членом Судебной палаты, был в браке около 20 лет, имел двоих детей. Он был вторым сыном чиновника, сделавшего карьеру, имеющего хорошее жалованье, но бывшего ненужным членом разных ненужных учреждений. Иван Ильич был умный, живой, приятный и приличный молодой человек – гордость семьи. «Он не был заискивающим ни мальчиком, ни потом взрослым человеком, но у него с самых молодых лет было то, что он как муха к свету тянулся к наивысше поставленным в свете людям, усваивал себе их приемы, их взгляды на жизнь и с ними устанавливал дружеские отношения» (Толстой, 1936, с. 69). Он обучался праву, были во время обучения «в Правоведении совершены им поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали ему отвращение к самому себе в то время, как он совершал их; но впоследствии, увидав, что поступки эти были совершаемы и высоко стоящими людьми и не считались ими дурными, он не то что признал их хорошими, но совершенно забыл их и нисколько не огорчался воспоминаниями о них» (Толстой, 1936, с. 70). Окончив обучение, он купил себе дорогую обмундировку, повесил себе на брелок медальку с надписью *respice finem* («предвидь конец») и уехал в провинцию на место чиновника особых поручений губернатора. Там он делал карьеру и приятно проводил время, так прошло пять лет, затем ему было предложено место судебного следователя в другой губернии. Он был уважаемым судебным следователем, сама же служба, в отличие от прежней, где «приятно было свободной походкой в Шармеровском вицмундире пройти мимо трепещущих и ожидающих приема просителей и должностных лиц, завидовавших ему, прямо в кабинет начальника и сесть с ним за чай с папиросою; но людей, прямо зависящих от его произвола, было мало» (Толстой, 1936, с. 71), – новая служба судебным следователем предоставляла большую власть. «Все без исключения, самые важные, самодовольные люди – все у него в руках, и что ему стоит только написать известные слова на бумаге с заголовком, и этого важного, самодовольного человека приведут к нему в качестве обвиняемого или свидетеля, и он будет, если он не захочет посадить его, стоять перед ним и отвечать на его вопросы» (Толстой, 1936, с. 71).

О. Кернберг говорит о патологическом, злокачественном нарциссизме, если человеку свойственно грандиозное Я, ослаблены этические системы, присутствует Эго-синтонная агрессия, дающая чувство власти, а власть – чувство превосходства (Кернберг, 2019). Толстой так описывает удовлетворение от власти над людьми, которое Ивану Ильичу предоставляла работа судебным следователем: «Все без исключения, самые важные, самодовольные люди – все у него в руках» (Толстой, 1936, с. 71), что позволяет предположить наличие у этого персонажа повести осложненной формы нарциссизма. Н. Мак-Вильямс пишет, что нарциссическому типу организации характера свойственно дегуманизирующее отношение к людям, потребность «использовать человека как функцию для

поддержания самооценки, а не воспринимать как отдельную личность, его [человека] приводят в замешательство и лишают присутствия духа» (Мак-Вильямс, 1998, с. 235).

После двух лет пребывания в новом городе Иван Ильич встретился со своей будущей женой Прасковьей Федоровной. Это «была самая привлекательная, умная и блестящая девушка того кружка, в котором вращался Иван Ильич» (Толстой, 1936, с. 72). Он очаровал ее в танце, так как был исключительно хорош в этом деле, она влюбилась в него. Он не имел намерений жениться, но, когда она влюбилась в него, он решил жениться. Он женился не потому, что полюбил, а потому, что люди его общества одобряли это и невеста была хороша. В первое время брачная жизнь радовала его супружескими ласками, новыми предметами обихода, но это продлилось недолго, до первой беременности жены. С первых месяцев ее беременности жена стала требовательной, ревнивой, появилось «что-то новое, неожиданное, неприятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и от чего никак нельзя было отделаться» (Толстой, 1936, с. 73). Со временем он решил оградить себя от этих вторжений жены в его жизнь и отстранился от нее посредством службы. С рождением ребенка потребность отстраняться стала еще больше, и он все более и более стал смещать центр тяжести своей жизни на работу. От семейной жизни он требовал домашней еды, постели и, главное, приличия внешних форм. На работе вскоре его сделали товарищем прокурора, что давало ему еще больше власти – возможность привлечь к суду и посадить в острог, публичность речей и успех в обществе (Толстой, 1936).

Н. Мак-Вильямс пишет: «Наиболее печальной ценой нарциссической ориентации является недоразвитая способность к любви. Несмотря на то что другие люди играют важную роль в поддержании равновесия нарциссического индивида, его потребительская цель – удовлетворение собственных потребностей – просто не оставляет другим никакой иной энергии, кроме связанной с их функционированием в качестве сэлф-объектов и нарциссических расширений» (Мак-Вильямс, 1998, с. 228). В семейной жизни у нарцисса «при наихудшем сценарии возникает удушающее чувство несвободы и преследования со стороны другого. Непризнаваемые и неприемлемые аспекты Я проецируются на партнера ради сохранения Я-идеала. Бессознательное провоцирование партнера на то, чтобы вести себя согласно спроецированным на него аспектам Я, находит соответствие в нападках на него и его отрицании» (Кернберг, 1998, с. 364). Супружеская жизнь Ивана Ильича, его отношения с женой описаны Толстым в соответствии с этими цитатами. Затем у них стали рождаться дети, жена становилась все сердитее, ворчливее, он становился все более непроницаемым для ее ворчливости. Они снова переехали в новое место, жене Ивана Ильича оно не понравилось, кроме того, у них умерли двое детей, во всех невзгодах Прасковья Федоровна стала винить мужа – семейная жизнь для него стала еще неприятнее. Редкие примирения супругов и короткие периоды влюбленности скрашивали неприятности супружеской жизни. Так прошло еще семь лет и 17 лет со времени женитьбы,

он был уже опытным прокурором, когда вдруг случилось одно неприятное обстоятельство (Толстой, 1936).

Иван Ильич ждал места председателя в университетском городе, но его коллега опередил его и занял место. Он разозлился, поссорился с ним и начальством, это не понравилось начальству, и в следующем назначении его опять обошли. Он почувствовал, что все покинули его, был крайне уязвлен несправедливостью ситуации. Он решил действовать: отправился в Петербург просить повышения и при благоприятном стечении обстоятельств получил такое назначение, в котором он стал на две степени выше своих обидчиков. Снова вернулось ощущение превосходства, и он торжествовал – его враги были посрамлены, завидовали и подличали теперь перед ним (Толстой, 1936). Нарциссическая рана зажила, снова вернулось чувство собственного превосходства.

Он уехал в город нового назначения, осваивался на новом месте работы и с особым удовольствием обустроивал съемную квартиру. Он сам взялся за устройство быта: выбирал обои, покупал мебель, обивку, карнизы – все приводил к тому идеалу, который он себе составил, хотел поразить жену и детей, когда они приедут. Как-то раз он залез на лесенку, чтобы что-то указать обойщику, оступился и упал, ударился боком о ручку рамы. Ушиб поболел и скоро прошел. Иван Ильич чувствовал себя лет на 15 моложе. Приехали жена и дети, все были в восторге от убранства квартиры, стали обживать, но со временем расположение духа Ивана Ильича стало портиться, «страдало немного именно от помещения» – он переживал из-за пятен на скатерти, оборванного шнурка гардины, «ему больно было всякое разрушение» (Толстой, 1936, с. 80). Бывает так, что оборудование помещения, комнаты становится чем-то большим для человека, чем просто обустройством быта. Главный герой романа Дж. Уильямса «Стоунер», оборудуя кабинет, придавая ему желаемый вид, понял, «что много лет неведомо для себя носил где-то внутри, точно стыдясь извлечь на свет, образ, который на первый взгляд был образом места, помещения, но на самом деле – его самого. Да, это себя самого он формировал, работая над комнатой» (Уильямс, 2015). Ошкуривая старые доски, сглаживая неровности, обнажая дерево, ремонтируя мебель, расставляя ее по комнате, герой этого произведения «самому себе медленно придавал определенность, самого себя приводил в некий порядок, самого себя делал возможным» (Уильямс, 2015).

Обустройство квартиры, согласно тому идеалу, который себе составил Иван Ильич, было другим по подходу, но оно тоже оказалось проекцией его внутреннего мира на внешний, проекцией его собственного идеального Я (Winnicott, 1960) на предметы внешнего мира, он увлекся этим настолько, что чувствовал удовлетворение и выраженную эйфорию. Боль, которую он начал испытывать, страдая от разрушения идеального порядка помещения, описывает процесс, похожий на возврат проекций идеального Я снова в его психику. «Идеальные» предметы стали портиться от рук членов его семьи, Эго-идеал в его психике, как эти предметы, начал «портиться» в нем самом. Но в целом жизнь Ивана Ильича шла так, как, по его мнению, должна протекать жизнь: «легко, приятно

и прилично» (Толстой, 1936, с. 80). На службе он успешно отделял все, что ему мешало: «сырое, жизненное, что всегда нарушает правильность течения служебных дел: надо не допускать с людьми никаких отношений, помимо служебных» (Толстой, 1936, с. 80) – он был в этом виртуоз. Иван Ильич соблюдал подобие человеческих дружелюбных отношений, учтивость, но как только заканчивалось служебное, заканчивалось и всякое другое. Дома тоже все было очень хорошо: бесконфликтные отношения в семье, игра в винт с приятелями, обеды с важными людьми, танцы, самый лучший круг общества, радовали дети, все были здоровы. Легкие недомогания были у Ивана Ильича, но их нельзя было назвать нездоровьем – «странный вкус во рту и что-то неловко в левой стороне живота» (Толстой, 1936, с. 82).

Через некоторое время легкие недомогания стали увеличиваться и перешли в ощущение постоянной тяжести в боку и в дурное расположение духа. Дурное расположение духа со временем усилилось и стало портить приятную, легкую и приличную жизнь в семье Головиных. Супруги стали часто ссориться, придирки Ивана Ильича начинались перед обедом, «то он замечал, что-нибудь из посуды испорчено, то кушанье не такое, то сын положил локоть на стол, то прическа дочери. Во всем он обвинял Прасковью Федоровну» (Толстой, 1936, с. 83). Все, что было связано с приемом пищи, стало восприниматься Иваном Ильичом как плохое, испорченное, внешний мир снова стал раздражать, с точки зрения психоанализа можно понять, что он чувствовал, как будто ему дают «плохое молоко», а на жену опять проецировался плохой объект. Прасковья Федоровна считала себя очень несчастной и стала желать ему смерти, которой желать не должна была, потому что с его смертью не стало бы и жалованья (Толстой, 1936).

Иван Ильич поехал к врачу, врач выдвинул какие-то предположения относительно болезни и дальнейшего обследования, но Ивана Ильича волновало только одно – «опасно ли его положение, или нет? Но доктор игнорировал этот неуместный вопрос. С точки зрения доктора вопрос этот был праздный и не подлежал обсуждению; существовало только взвешивание вероятностей – блуждающей почки, хронического катара и болезни слепой кишки» (Толстой, 1936, с. 84). Это совсем не устроило Ивана Ильича – он решил, что все плохо, а доктору да и всем просто все равно.

Н. Мак-Вильямс пишет о нарциссически структурированных людях следующее: «Они чувствуют, что их идентичность слишком хрупка, чтобы не рассыпаться и выдерживать некоторое напряжение. Их страх фрагментации внутреннего "Я" часто смещается в сторону озабоченности своим физическим здоровьем. Таким образом, эти люди склонны к ипохондрической озабоченности и к болезненному страху смерти» (Мак-Вильямс, 1998, с. 231). Симптомы у Ивана Ильича проявились тогда, когда жизнь наладилась, в тот момент, когда он отказался от привычного отстранения от жены и семьи, предпочтя семейную жизнь и пожертвовав необходимой ему раньше сепарацией. М. Хирш считает, что ипохондрические симптомы проявляются в жизненных ситуациях, «связанных с амбивалентностью содержащихся в них свободы, личностного роста, обретения

автономии и в то же время скованности, утраты свободы, захвата извне. Страх свободы и страх быть поглощенным бессознательно – на сознательном уровне ипохондрик хочет здоровья, успеха, развития. Именно поэтому на каждом первом интервью терапевт слышит характерное: "И вот именно сейчас, когда все могло быть так хорошо, у меня рак!"» (Хирш, 2018, с. 295–296). Многие значимые события в жизни людей, склонных к ипохондрии, провоцируют триггеры ипохондрической тревоги: экзамены, вступление в брак, беременность, строительство или покупка дома, особенно собственного дома, арабская пословица гласит: «Когда дом построен, приходит смерть» (Хирш, 2018, с. 296). В таких ситуациях речь идет не только об утрате объектов, ощущении подавления со стороны этих объектов, но и о признании движения жизни, смены фаз идентичности, что так или иначе имеет значение движения на пути к смерти. В соответствии с этим ипохондрический симптом имеет двойственный характер – тело чрезвычайно инвестируется и в то же время становится несущим смерть объектом.

«Ипохондрия – это тревожное расстройство, определяемое убежденностью в наличии у себя тяжелой, ведущей к скорой смерти болезни. Хотя ипохондрик сводит вымышленные физические и психические симптомы к этой болезни и хочет выздороветь, со стороны возникает ощущение, что он хочет сохранить ее вместе с другой, отщепленной частью своего "Я", потому что никакие медицинские обследования, отрицающие существование этой болезни, не способны его переубедить» (Хирш, 2018, с. 284).

Чаще всего ипохондрический страх не поддерживается объективными фактами, М. Хирш рассматривает его как ограниченный бред при существенном сохранении личности. Предельный страх ипохондрика ограничивает витальность, прогрессирует, он все больше отстраняется от внешних объектов, занятый собой и своим телом, направляет все внимание, свое достаточно нарциссическое либидо на тело или, предположительно, на больной орган. «Склонность ипохондрика к отстранению и тревожному наблюдению за собой точно внесла свой вклад в понимание Фрейдом ипохондрии как нарциссического заболевания. Из-за избыточной эрогенности затронутого органа все либидо – отвлеченное от внешних объектов – направляется на задетый ипохондрический участок тела» («К введению в нарциссизм», *Freud*, 1914с, по: Хирш, 2018, с. 287). «Тело при ипохондрии становится объектом патологического нарциссизма, а не просто частью Я», – считала Лу Саломе (Хирш, 2018, с. 287). Ипохондрическое расстройство входит в структуру соматоформных расстройств, в медицине ставят диагноз «ипохондрия» на основании жалоб и исключения соматической патологии, но считается, что в редких случаях болезнь приводит к сильнейшему ухудшению психического и соматического здоровья.

Вернувшись от врача, Иван Ильич стал принимать лекарства, исполнять предписания доктора и в исполнении этом нашел утешение на какое-то время. Главными его интересами стали болезни и людское здоровье. Тем временем тяжесть в боку переросла в боль, боль не уменьшалась. Иван Ильич старался думать, что ему лучше, но как только случались неприятности с женой, неудачи по службе, плохие карты в карточной игре,

так сейчас же он чувствовал всю силу своей болезни, каждая неудача подкашивала его. Он считал, что несчастья от людей убивают его, злился сам и понимал, как это вредит ему, но был бессилён перед этим. Неспособность переносить отрицательные эмоции на психическом уровне ухудшала состояние Ивана Ильича и «находила» орган, который «собирал» все «не переваренные» психикой эмоции. Он обошел нескольких врачей, у них не было единого мнения, диагноза по его случаю, а боль все томила, усиливалась, «становилась постоянной, вкус во рту становился все страннее, пахло чем-то отвратительным у него изо рта, и аппетит и силы все слабели» (Толстой, 1936, с. 87). Его близкие не понимали тяжести его состояния, это более всего мучило Ивана Ильича, особенно он злился на жену и дочь за их беззаботность и веселье. В суде его приятели начали дружески подшучивать над ним, над его мнительностью, «как будто то, что-то страшное, неслыханное, что завелось в нем, и не переставая сосет его, и неудержимо влечет куда-то, есть самый приятный предмет для шутки» (Толстой, 1936, с. 88).

Репрезентация какого-либо органа может быть диссоциирована, как бы отделена от тела, этот орган может послужить объектом проекции всего негативного и травмирующего. Иван Ильич переживал свой болящий бок как страшное, неслыханное, что завелось внутри и постепенно высасывает из него жизнь. «Объект проекции, больной орган в случае ипохондрии, становится враждебным преследователем и внушает страх, но является и адресатом существенной агрессии. Механизм проекции используется везде и всегда, чтобы проецировать на объекты за пределами "Я" собственные негативные, пугающие и враждебные импульсы или внутренние тенденции и таким образом как бы освободиться от них, локализуя их вне самого себя и как бы "запирая под арест": страх гораздо проще выносить, когда он имеет под собой узнаваемую причину» (Хирш, 2018, с. 289).

Выдающийся врач А.Т. Лидский пишет о повести «Смерть Ивана Ильича»: в ней описана «бездна ужаса и сомнений, которые переживают раковые больные» (Лидский, 1929, с. 6, 8–9). Медицина конца XIX века не обладала возможностями для точной диагностики болезни, которой страдал Иван Ильич, но Толстой описывает его страдания так, что кажется, что он умер от рака. Иван Ильич сам искал ответа на вопрос, от чего он умирает: «Слепая кишка! Почка», – но сам же и отвечал себе на этот вопрос: «Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти» (Толстой, 1936, с. 91). Кажется, что он чувствовал, как внутри него ослабела тяга, влечение к жизни и запустилось какое-то движение к умиранию, влечение к смерти. Иван Ильич старался не думать о смерти, пытался вернуться к прежним ходам мысли, но «все то, что прежде заслоняло, скрывало, уничтожало сознание смерти, теперь уже не могло производить этого действия» (Толстой, 1936, с. 98). Он терпел боль, затем ему давали опиум и морфин, но это не облегчало страданий, тупая тоска, которую он испытывал, сначала приносила облегчение, а затем стала еще более мучительна, чем физическая боль. Он становился немощным. Для испражнений его были сделаны особые приспособления, он мучился

от нечистоты, неприличия, запаха, стыда, но в этом неприятном деле появилось неожиданное утешение – буфетный мужик Герасим, который деликатно и внимательно стал ему помогать в туалетном деле, потом поправлял подушки, держал на коленях его ноги так, что боль отступала. Ивану Ильичу казалось, что только Герасим понимал его и жалел. «Ему хорошо было, когда Герасим, иногда целые ночи напролет, держал его ноги и не хотел уходить спать...» (Толстой, 1936, с. 98). На пороге смерти как будто в обратном порядке проявили себя стадии психосексуального развития: Герасим, как заботливая мать, помогал ему на «анальной стадии», затем ночами почти держал его на руках, как мать держит младенца на «оральной». «Ему хотелось, чтобы его приласкали, поцеловали, поплакали бы над ним, как ласкают и утешают детей» (Толстой, 1936, с. 98).

Иван Ильич умирал долго и мучительно, перед смертью он слышал голос, который спросил его: «Как ты жил прежде, хорошо и приятно?» (Толстой, 1936, с. 106). Он стал вспоминать лучшие минуты жизни, но странное дело, лучшие минуты жизни сейчас казались пустяками, все, кроме первых воспоминаний детства, но того человека, который был в детстве, – его уже не было, это было как бы воспоминание о ком-то другом. «Как только начиналось то, чего результатом был теперешний он, Иван Ильич, так все казавшиеся тогда радости на глазах его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое» (Толстой, 1936, с. 106). Чем дальше от детства, тем меньше хорошего: женитьба – разочарование, тяготы быта и утрата детей, запах изо рта жены, притворство; мертвая служба; постоянные заботы о деньгах. И чем дальше, тем мертвее. Ничто были его физические страдания в сравнении с нравственными: он думал, была ли его сознательная жизнь настоящей, он все более и более считал, что «все было не то, все это был ужасный огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть» (Толстой, 1936, с. 110). За час до его смерти он спросил себя: что же было «то», что можно еще поправить? «Тут он почувствовал, что руку его целует кто-то. Он открыл глаза и взглянул на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла к нему. Он взглянул на нее... Ему жалко стало ее... Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было... "Как хорошо и как просто", – подумал он» (Толстой, 1936, с. 112–113). Это были одни из последних мыслей Ивана Ильича перед смертью.

Только перед смертью пробудилась его душа, он осознал, что все, чем он жил большую часть своей сознательной жизни, было ничтожным, гадким, мертвым – это была ненастоящая жизнь, ужасный, огромный обман. Либи́до, которое раньше было отщеплено от объектов внешнего мира и обращено на собственное Я, вдруг перед самой смертью снова повернулось к объектам: он увидел сына и жену, пожалел их и понял, что же было «то» настоящее, чем он не жил: «Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было... "Как хорошо и как просто", – подумал он» (Толстой, 1936, с. 112–113).

Д.В. Винникотт в статье «Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я» писал о крайнем варианте проявления ложного Я, ощущении обмана жизни. Нижеприведенные цитаты хорошо описывают проявления той ненастоящей жизни, о которой думал Иван Ильич перед смертью:

ложное Я «выдает себя за истинное, и со стороны именно оно обычно и воспринимается как настоящая личность. Между тем, в сфере рабочих и дружеских отношений, а также в целом ряде жизненных обстоятельств ложного Я ощутимо начинает не хватать. Иначе говоря, в ситуации, когда от человека ожидается, что он поведет себя как полноценная личность, в ложном Я неотвратимо обнаруживаются существенные провалы и изъяны. В этой крайней позиции истинное Я остается полностью сокрытым» (Винникотт, Московский психотерапевтический журнал. 2006, с. 8). «Особого рода опасность возникает в результате связи, которая нередко образуется между интеллектуальным развитием и ложным Я», «У здорового человека, как следует заметить, жизнь ума не становится сферой, куда индивид "сбегает", предавая забвению свое психосоматическое существование» (Винникотт, Московский психотерапевтический журнал, 2006, с. 10). Со стороны могут быть заметны только интеллектуальные успехи, успехи в работе и может быть совсем незаметен серьезный дистресс, но бессознательное такого человека ощущает всю «фальшь» этих достижений и такой жизни, и человек вдруг начинает «истреблять» себя любыми способами, нередко таким способом становится психосоматическая реакция, объектом уничтожения становится тело (Винникотт, Московский психотерапевтический журнал, 2006).

Принято считать, что прототипом главного героя повести был тульский прокурор Иван Ильич Мечников, с братом которого Ильей Ильичем Мечниковым – выдающимся биологом, лауреатом Нобелевской премии в области физиологии и медицины – Лев Толстой был знаком. Повесть «Смерть Ивана Ильича» – произведение, обладающее выдающимися литературными достоинствами, а также достоинствами, важными с точки зрения клинического осмысления теории нарциссизма, теории объектных отношений, психоаналитической психосоматики. В повести Толстого описываются внешние признаки нарциссического расстройства и психологические особенности личности человека с патологическим нарциссизмом, особенности формирования ипохондрического расстройства при нарциссизме, влияние глубинных психологических процессов на ипохондрический участок тела, отщепление его от Я, проецирование на орган всех непереносимых психикой эмоций и отношений к объектам, функционирование ложного Я в психике человека, и то, как эти процессы могут разъединять влечение к жизни и влечение к смерти, способствуя возникновению серьезной болезни, приводящей к смертельному исходу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникотт Дональд В.* Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я. Московский психотерапевтический журнал, 2006, №1.
2. Ипохондрия (ипохондрическое расстройство) – симптомы и лечение. <https://probolezny.ru/rasstroystvo-ipohondricheskoe/>.
3. *Кернберг О.Ф.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 364 с.

4. *Лидский А.Т.* Смерть, болезнь и врач в художественных произведениях Л.Н. Толстого. Русская клиника, 1929, XI, 6, 8–9.
5. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 480 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
6. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1998. С. 309.
7. Психоаналитические термины и понятия. Словарь / Под ред. Борнесса Э. Мура и Бернарда Д. Фаина. / Перев. с англ. А.М. Боковой, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 304 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 79).
8. *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича. Государственное издательство «Художественная литература». Москва, 1936.
9. *Уильямс Дж.* Стоунер. ООО «Издательство АСТ», 2015. Издательство Corpus.
10. *Фрейд З.* Введение в нарциссизм, 1914.
11. *Хирш М.* Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу: Психоаналитический взгляд на диссоциацию и инсценировки тела. Пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2018. 381 с. (Библиотека психоанализа).

The dynamics of the hypochondriacal disorder development in the picture of pathological narcissism of the main character in Tolstoy's novel "The Death of Ivan Ilyich"

O.V. Tsanova

Tsanava Oksana Vladimirovna – psychologist (Institute of Practical Psychology and Psychoanalysis), psychoanalytic psychotherapist, candidate of the society for psychoanalytic psychotherapy. Lecturer at the Higher School of Psychology (Moscow).

The article describes the character's characteristics manifested in pathological narcissism of the main character in Tolstoy's novel "The Death of Ivan Ilyich" and the dynamics of the development of his hypochondriacal disorder which led to his illness and death.

Keywords: hypochondria, narcissism, Tolstoy's novel "The Death of Ivan Ilyich", false self, the theory of object relations, psychoanalytical psychosomatics.